

ПРОЛОГ

Уже вторые сутки Марина не вставала с постели. У нее был жар и слабость, но не те, которые бывают при простуде или какой-то другой болезни, а вызванные стрессом, а если говорить вернее — страхом. Марина боялась встать, боялась выйти на улицу, боялась позвонить кому-нибудь по телефону. Сотовый она вообще отключила. Потому что боялась, что ей волей-неволей придется отвечать на звонки и читать СМС-сообщения.

«Наверняка меня уже потеряли и ищут», — сквозь дурноту и вязкую дрему, образовавшуюся у нее из-за слабости, думала Марина.

— Не хочу, — прошептала она сухими, спекшимися от жара губами. — Не хочу, чтобы меня нашли. Никто. Ни папа, ни Артем, ни они. Как страшно...

Марина беззвучно заплакала. Слезы катились по ее бледным щекам, и ей казалось, что кто-то проводит по лицу раскаленным лезвием, и это кровь, а не слезы текут у нее из глаз.

Она уже не помнила, когда ела в последний раз, но голода не ощущала. Только жажду. Вода в бутылке, которая стояла на полу возле кровати, закончилась сутки назад. Но Марина не хотела вставать. Шторы в комнате были плотно задернуты, и только по неяркому свету, просачивающемуся через толстую ткань, она могла догадываться, что на улице не ночь и не день. Но утро это было или вечер — этого она точно не знала, потому что практически все последнее время находилась в полусне-полузабытьи и потеряла счет времени.

— Я так виновата перед всеми, — снова чуть слышно зашептали ее горячие губы. — Артемчик, папа, простите меня. Я так больше не могу. И мне, и вам будет лучше, если я уйду. Все наладится само собой, если меня не будет. Но как же мне страшно...

Марина пробовала вспомнить хотя бы одну утешительную молитву из тех, которым когда-то учила ее бабушка, но голова совершенно не хотела ничего вспоминать и отказывалась мыслить разумно. Да и какая уж тут может быть молитва, если она готовилась совершить самый большой грех в глазах Бога — убить себя. Ей было страшно, но другого выхода она не видела.

С трудом спустив ноги с постели, девушка подняла валявшуюся у изножья кровати пластиковую бутылку и пошла с ней на кухню.

Немного постояв и словно бы соображая, что нужно сделать дальше, она открыла кран и набрала половину бутылки холодной как лед воды. Словно зомби, на автомате, закрутила кран и, развернувшись, снова направилась в спальню.

Проходя через гостиную, Марина остановилась. Ее взгляд упал на фотографию, которая стояла на небольшом журнальном столике. На фото были изображены она, ее отец и Артем. Отец, как всегда серьезный и сосредоточенный, смотрел в объектив фотоаппарата. Зато она и Артем не могли отвести глаз друг от друга. Этот снимок был сделан год назад, в день их помолвки. Тогда еще Марина не знала, что ее ждет впереди, и была счастлива, как никогда.

Девушка подошла, взяла фотографию и положила ее изображением вниз. Марина подумала, что как же хорошо, что ни папа, ни Артем не видят ее такой, как сейчас — бледной, худой, потной, с растрепанными волосами, потрескавшимися от жара губами и трясущимися от страха и волнения руками. Пусть они запомнят ее такой, как на этом фото — красивой, цветущей и радостной.

Марина решила, что ей нужно умереть, еще неделю назад. Именно тогда она поняла, что другого выхода из создавшейся ситуации у нее нет. Она сама загнала себя в угол, сама была виновата, что ее жизнь пошла под откос,

а поэтому и отвечать за все она должна сама, и отвечать по всей строгости, прежде всего перед самой собой. Да, было страшно. Страшно, потому что Марина не знала, что ждет ее там, за порогом. Ее бабушка, которая была православной веры, говорила, что самоубийц ждет ад. Ее дед, который был коммунистом и атеистом, твердил, что никакого ада и рая нет, а есть только память, которую ты оставляешь после себя своим потомкам. И от того, какая эта будет память — хорошая или дурная, — зависит, долго ли тебя будут помнить.

У Марины не было потомков и никогда теперь уже не будет, поэтому память о ней будет в этом мире только до тех пор, пока жив ее отец. Ни родных братьев, ни сестер у Марины также не было. «А Артем? — задала сама себе вопрос Марина. — Долго ли он будет обо мне помнить?» И не найдя ответ на свой вопрос, она пошла дальше — в сумерки комнаты, где ждал ее долгий, очень долгий сон.

Она нисколько не сомневалась, какой способ ухода из жизни ей выбрать. Конечно же, снотворное. Она помнила, что именно так ушла ее мать. Марине тогда было пять лет, но она очень хорошо помнит, как она с няней вошла в то утро к маме в комнату, чтобы пожелать ей доброго утра, и... Мама лежала на кровати и спала. Она даже не пошевелилась, когда Марина, запрыгнув к ней на кровать, поцело-

вала ее в щеку. Поцеловала и отпрянула — настолько эта щека была обжигающе холодной. Марина стала тормошить маму и просить ее проснуться, но няня, поняв, что произошло, быстро отвела ее в детскую и, утешив как могла, стала звонить Маринину папе, в «Скорую помощь», в милицию...

Марина на всю жизнь запомнила, какой красивой была ее мама даже тогда, когда лежала бледная и безжизненная. Не зря сказки «Спящая красавица» и «Белоснежка» стали для Марины самыми любимыми после смерти матери. Теперь настала и ее очередь уйти красиво.

«Быть может, бабушка права и ад существует. Тогда я смогу увидеть там свою маму», — думала Марина. Она посмотрела на себя в большое зеркало шкафа и, вздохнув, поставила бутылку на тумбочку возле кровати. Достала из ящика таблетки с феназепамом и положила их рядом с бутылкой. Потом открыла шкаф, достала оттуда новый пеньюар, который ей подарил Артем, и большое махровое полотенце. Снова посмотрела на себя в зеркало. Нет, она не уйдет из этого мира растрепанной, потной и помятой. Она, как Белоснежка, заснет глубоким сном, и, когда ее найдут, им не в чем будет ее упрекнуть.

Этот вечер пятницы выдался у Льва Ивановича, можно сказать, холостяцким. Его красавица-жена Мария, которая была одной из ведущих актрис одного из столичных театров, сегодня решила после спектакля поехать ночевать к своей подруге Леночке Беляевой в Покров. У Леночки в субботу намечался юбилейный, пятидесятый день рождения, и ей с самого утра была необходима помощь в приготовлении разных блюд и прочих хлопотах, которые обычно бывают неразрывны с любым предстоящим торжеством. Приглашение на обед получили только самые близкие Леночкины родственники и подруги с мужьями. В их числе были и супруги Гуровы.

Добираться до Покрова из Москвы утром в субботу было несколько сложнее, чем в пятницу после десяти вечера, поэтому Маша решила, что поедет вместе с Леночкой сразу же после спектакля и переночует у нее, а Лев Иванович подъедет самостоятельно к званому обеду, который был назначен на два часа дня.

С Леночкой Беляевой Мария дружила уже много лет, еще со студенческих времен, а потому Леночка всегда имела право просить Машу помочь ей в подготовке к такому торжеству, как юбилей. А подруга и не отказывала ей в этой просьбе, и даже вызвалась помочь с большим удовольствием. Хотя, в отличие от Марии Гуровой, Беляева и не считалась в театре ведущей актрисой, но это не мешало дамам дружить. Леночка была простодушной и милой женщиной, неспособной на зависть к кому-либо, и этой своей характерной особенностью импонировала и самой Марии, и Гурову. А уж кому, как не Льву Ивановичу, было знать о тех театральных интригах, подковерных играх и страстях, которые бушевали вокруг Марии и других актеров, которым чаще всего доставались главные роли в спектаклях!

Хотя в семье Гуровых не было принято обсуждать работу, но иногда Маша все-таки рассказывала мужу о сплетнях, которые ходят вокруг нее. И рассказывала она не столько для того, чтобы вызвать у Льва Ивановича сочувствие к ней или негодование к поступкам коллег Маши, а просто чтобы выговориться и облегчить душу. Гуров понимал, что он для Марии в такие моменты становится чем-то вроде личного психотерапевта, и с терпением и пониманием принимал эту роль на себя.

Вот и вчера Мария стала рассказывать мужу о том, как Леночке Беляевой, которая отдала театру более двадцати пяти лет и никогда не

стремилась сменить место работы, как это делали многие актеры, которым не доставались базовые роли в спектаклях, отказали в бенефисе в честь ее юбилея.

— Это я считаю большим неуважением к человеку, — возмущенно говорила Маша, вышагивая по гостиной. — Леночка такая терпеливая! Она все переживала в себе и никогда ни с кем не спорила. Она хорошая актриса, но никогда не лезла с претензиями, не скандалила, как некоторые, а довольствовалась теми ролями, которые ей давали. Могли бы и отметить человека, дать ему хотя бы один раз сыграть на сцене роль, о которой она всегда мечтала.

— Она хотела быть Джульеттой, но возраст, знаете ль, подвел... — улыбнулся Гуров.

— И ты туда же! — сердито посмотрела на него Мария. — К твоему сведению, Леночка всегда мечтала сыграть роль Вассы Железновой. Не знаю уж, чем приглянулась ей эта противная в общем-то тетка, — улыбнулась Маша, — но еще будучи студенткой, Леночка прямо-таки грезилась этим персонажем.

— Ну, Васса Железнова — куда еще ни шло, — согласился Лев Иванович. — Но, насколько я разбираюсь в театральных постановках, это весьма сложный образ, и сыграть его достойно дано не всякой актрисе. Вот ты бы смогла?

— Если честно, — вздохнула Маша, — то да, это серьезная роль. И к ней готовиться нужно

не один год. Но ведь я не говорю о постоянной роли. Леночке могли хотя бы дать шанс. Хотя бы один раз выйти на сцену в главной роли...

— Наверное, ваш режиссер не захотел рисковать репутацией театра, — осторожно заметил Гуров и тут же получил в свой адрес новый сердитый взгляд. — Ладно, ладно, — миролюбиво пошел он на попятную. — Я ведь признаюсь, что не являюсь знатоком театрального искусства и распознавать таланты — это не мой конек. Мне вполне хватает сюжетных поворотов и драм, которые я наблюдаю каждый день на оперативной службе. И вообще, я в таких вещах, как таланты и поклонники, привык полностью доверять тебе, а потому соглашусь с тобой. Леночка — хороший человек, добрый и мягкий, и наверняка достойна, чтобы ей дали шанс сыграть на сцене хотя бы раз в главной роли.

Теперь же, вечером пятницы, вернувшись со службы и поужинав, Лев Иванович сел в свое любимое кресло и, положив недочитанный роман на колени, задумался, вспоминая этот вчерашний разговор. А потом подумал — а не позвонить ли ему Марии, чтобы узнать, как они с Леночкой добрались до Покрова. Погода, которая и днем-то была невесть какая, к вечеру окончательно испортилась — дождь лил как из ведра, а ветер так и валил с ног случайно попавших в непогоду поздних прохожих.

Но звонить Гурову не пришлось, Мария сама прислала ему СМС-сообщение, что добрались они с подружкой до ее дома нормально, несмотря на непогоду, хотя вымокли до нитки, пока бежали от машины до подъезда. Больше в сообщении ничего не было, из чего Гуров решил, что сейчас его жене не до него, и принялся читать, радуясь, что ему сегодня можно засидеться и допоздна, ведь завтра — выходной день и рано вставать нет необходимости.

* * *

Но утро следующего дня преподнесло Льву Ивановичу свои сюрпризы. Выспаться ему не пришлось. Мало того, что полковник лег в постель в половине второго ночи, так еще утром, в половине седьмого, его разбудил телефонный звонок.

Не открывая глаз, Лев Иванович нащупал на тумбочке сотовый и ответил:

— Гуров слушает.

— Это полковник Лев Иванович Гуров? — Голос, задавший вопрос, был незнаком, а вопрос звучал настороженно, поэтому сразу разогнал остатки сна и заставил полковника сесть на кровати.

— Он самый, — так же настороженно ответил Лев Иванович и поинтересовался: — А с кем я говорю?

— Это оперуполномоченный Телегин из Одинцова. Дело в том, что ваш номер телефо-

на был найден в кармане человека... а вернее, тела человека, труп которого был обнаружен сегодня в одной из квартир. Скажите, вы знали некоего Игоря Михайловича Зайченко?

Гуров в первый момент после вопроса хотел было ответить, что нет, никакого Игоря Михайловича Зайченко он никогда не знал, но вдруг вспомнил, что когда-то давно, когда он молодым лейтенантом пришел работать в Главное управление, ему дали наставника с такой фамилией. Наставник был молод, в чине капитана, и сам проработал в милиции только пять или шесть лет. Но работал эффективно и хорошо, ладил с людьми, а поэтому ему часто давали для стажировки молодых и неопытных оперативников. Поладил Зайченко и с Гуровым. И даже втолковал ему много полезных для оперативной работы вещей. Но в лихие девяностые годы, когда началась вся эта заварушка с бандитскими разборками, коррупцией и дележом государственного имущества, Зайченко из рядов милиции уволился и уехал из Москвы в Питер. С тех пор Лев Иванович о нем ничего не слышал.

— Пойдите, а сколько лет этому Зайченко? — решил уточнить Лев Иванович на всякий случай. Кто знает, мало ли Зайченко в Москве обитает.

— По паспорту ему пятьдесят девять, — ответил ему оперуполномоченный Телегин. — Он занимался частной сыскной работой.

— Вы сказали, что нашли у него в кармане мой номер телефона?

— Да, я только пять минут как прибыл на вызов. Даже еще специалистов не вызывал. На стуле, в комнате, где был найден труп, висел плащ. Ну, я его первым делом и осмотрел. А там, во внутреннем кармане, были паспорт и записка с номером телефона, в которой написано: «Главное управление МВД России, полковник Гуров Лев Иванович». Вот я и позвонил.

— Это убийство? — Гуров нахмурился и наконец-то встал с кровати.

— По первому впечатлению — это самоубийство через повешение. Но эксперт придет и скажет точнее, — ответил оперативник. — Хотя следов борьбы и явных признаков ограбления не обнаружено.

— Я сейчас к вам приеду, — Лев Иванович спешно стал одеваться. — Говорите адрес. И постарайтесь до моего приезда ничего не трогать и тело не снимать.

— Хорошо, Лев Иванович, я понял, — с готовностью ответил оперативник и добавил с уважением в голосе: — Мы у нас в Одинцове наслышаны о ваших подвигах и о том, как вы раскрываете преступления. Уважуха.

Гуров не стал дальше слушать восхищенные возгласы Телегина и отсоединился.

До места Лев Иванович добрался, как ни странно, быстро. «Наверное, непогода всех по

домам разогнала. Какая уж тут дача и загород, когда и в городе лужи по пузо даже внедорожникам», — думал он, выруливая к стоянке старенькой пятиэтажки, в которой и находилась квартира-офис сыскного агентства «Сварог», которым заправлял Игорь Михайлович Зайченко.

На крыльце отдельного входа в агентство стоял полицейский, который хмуро и строго посмотрел на Гурова, но, изучив внимательно его удостоверение, молча кивнул и отошел, пропуская полковника внутрь. На пороге Гуров чуть задержался, осматривая входную дверь, а вернее, замок на двери, потом решительно шагнул внутрь ярко освещенного офиса.

— Лев Иванович? — навстречу Гурову из глубины холла вышел невысокий, коренастый, среднего возраста мужчина с усами. — Телегин, Денис Александрович, — протянул он руку. — Быстро вы добрались. Наши ребята из криминального отдела и судмедэксперт только через минут пять обещались подъехать.

— Ведите, показывайте место происшествия и рассказывайте, кто сделал вызов и что тут вообще случилось, — поздоровавшись, Гуров сразу перешел к делу.

— Вот сюда, — указал Телегин рукой на дверь, ведущую в другую комнату. — Это, по всей видимости, его рабочий кабинет. А звала нас уборщица — Кирьянова Лидия Тарасовна. Вон она, на диванчике сидит, — указал

Телегин на женщину средних лет с крашеными рыжими волосами. — Я просил ее подождать, когда все подъедут, и снова рассказать, как она нашла тело. Ну, и на вопросы разные ответить.

— Ага, все правильно сделали.

Гуров мельком глянул на уборщицу и вошел в комнату, где, по словам Телегина, находился труп. Внимательно посмотрев на висевшего человека, Гуров с трудом узнал в нем того самого Игоря Зайченко, с которым он когда-то бок о бок проработал три года в одном отделе. Несмотря на неприглядность мертвого тела, Гуров сразу же определил, что Зайченко неплохо зарабатывал на частном сыске. Одет он был не просто модно, но даже элегантно. Подбородок был чисто выбрит, и от костюма шел аромат дорогой туалетной воды. Обойдя вокруг висевшего и еще раз внимательно осмотрев тело, Лев Иванович обратил внимание на то, о чем мог вначале только догадываться. Узел веревки был затянут не так. Не на том месте, где он должен быть у человека, покончившего с собой. К тому же Гуров помнил, что Зайченко был правша, а узел вокруг шеи был затянут явно левой.

— Это не самоубийство, — повернулся он к Телегину. — Денис Александрович, вы хорошо осматривали труп?

— Не так чтобы очень хорошо... — замаялся Телегин. — Я сразу вам позвонил, а когда вы сказали ничего не трогать...

— Хорошо, я понял, — кивнул Гуров. — Так вот, примите к сведению, что трансгуляционных борозд на шее трупа будет две. Одна — тоньше, возможно, от шнура или кабеля, я ее еле рассмотрел, а вторая — уже от веревки. Впрочем, вот и специалист...

Лев Иванович повернулся к двери, в которую входил высокий и худой человек в белом халате, на ходу натягивающий на руки латексные медицинские перчатки.

— Желаю здравствовать, Петр Исаевич, — Гуров церемонно и с улыбкой поклонился пожилому медэксперту.

— А, Лев Иванович, — в ответ кивнул тот. — Давненько мы с вами не пресекались, давненько. Каким ветром вас к нам занесло? А погода-то сегодня какая! — указал он подбородком в сторону окна. — А ведь так хорошо май начинался — тепло, солнечно. А что, представители «Скорой помощи» уже были? — обратился Петр Исаевич к Телегину. — Или вы еще даже не думали их вызывать?

— Так вроде бы как снять сначала нужно, — растерялся Телегин и посмотрел на Гурова.

— Это я велел до моего приезда ничего не трогать, — ответил Лев Иванович, решив поддержать Телегина. — Тут и констатировать нечего — видно, что человек умер уже несколько часов назад.

— Так ведь положено, — развел руками судмедэксперт и, махнув рукой в сторону тела, скомандовал: — Снимайте уже. Надо же мне

его осмотреть. Вы, Лев Иванович, небось, уже сделали визуальный осмотр тела и увидели то, что увидел я? Это явно убийство.

— Да, по всей видимости это убийство, замаскированное под самоубийство, — согласно кивнул Гуров. — Кстати, вы, Петр Исаевич, должны помнить этого человека. Он бывший милиционер, Зайченко Игорь. Мы с ним когда-то работали вместе в одном отделе.

— Да-да, что-то припоминаю, — остановился эксперт. — Это тот Зайченко, который расследовал в девяностом году серию убийств девушек в Одинцове. Тогда не хватало людей, и ваш отдел бросали на расследование по всей Москве. Но он, кажется, вскоре после этого ушел из органов? — вопросительно посмотрел эксперт на Гурова.

— Да, ушел. И вот через много лет мы с ним встретились, — задумчиво глядя в пол, ответил Гуров. — Он был моим первым наставником.

— М-да, — не нашелся, что сказать, Петр Исаевич и снова посмотрел на Телегина. — Так чего ждем-то?

Оперативник, словно очнувшись от сна, сразу засуетился, позвал кого-то из приехавших вместе с медэкспертом криминалистов, и они втроем с Гуровым, аккуратно отрезав веревку, сняли тело Зайченко. А потом Телегин сразу стал звонить в «Скорую помощь».

Предварительный осмотр тела судмедэкспертом ■ подтвердил, что самоубийством тут даже и не пахло.